Ивановский.

Народное образование и университеты в средн. века.

И 25/991

9/25
991

ОТЪ АВТОРА.

В. Н. ИВАНОВСКІЙ.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ

И

УНИВЕРСИТЕТЫ

ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА
1898

I 25
991

ОТЪ АВТОРА.

В. Н. ИВАНОВСКІЙ.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ

И

УНИВЕРСИТЕТЫ

ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА
1898

Дозволено цензурою. Москва, 19 февраля 1898 года.

2007067054

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ И УНИВЕРСИТЕТЫ

ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

Клирики.

Система школъ, развившаяся въ Римской имперіи, погибла вмѣстѣ съ многими другими учрежденіями въ эпоху такъ называемаго „великаго переселенія народовъ“. Полудикіе германцы стояли по своему развитію неизмѣримо ниже древнихъ римлянъ и романизованныхъ варваровъ, и общая грубость ихъ быта и умственной жизни долго не вызывала серьезной потребности и не давала подходящихъ условій для возникновенія болѣе или менѣе обширной системы образовательныхъ учрежденій.

Въ общемъ крушеніи древней культуры уцѣлѣли, правда, формы христіанскаго богослуженія, для передачи которыхъ отъ поколѣнія къ поколѣнію требовалось, по крайней мѣрѣ, умѣнье читать полатыни, т. е. выговаривать непонятныя слова чуждаго германцамъ языка. Грамотность и хотя бы очень скудныя познанія требовались, правда, и для нѣкоторыхъ другихъ цѣлей: для составленія актовъ гражданскаго обихода — всякаго рода дѣловыхъ писемъ и

Пособія. *Николай Сперанскій.* Очерки по исторіи народной школы въ Западной Европѣ (Возникновеніе народной школы. Строй западно-европейскаго образованія въ средніе вѣка). М. 1896; *H. Denifle.* Die Universitäten des Mittelalters bis 1400. I Band. Berlin. 1885; *Fr. Paulsen.* Geschichte des gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen und Universitäten vom Ausgang des Mittelalters bis zur Gegenwart. 2 Auflage. Leipzig. 1896; *К. Шмидтъ.* Исторія педагогики, т. II, перев. Э. Циммермана. М., 1879; *Проф. Ѳ. Я. Фортинскій.* Борьба Парижскаго университета съ нищенствующими монахами въ половинѣ XIII вѣка (Журналъ Мин. Нар. Просв., сентябрь 1892 г.).

грамотъ, для цѣлей гражданскаго управленія и т. п. Но все-таки основнымъ мотивомъ къ пріобрѣтенію тѣхъ крайне скромныхъ познаній, какія только и были доступны въ началѣ среднихъ вѣковъ, являлись потребности богослуженія. И хотя далеко не все духовенство той грубой эпохи было не только образовано, но и просто грамотно, во всякомъ случаѣ, внѣ духовенства людей, умѣвшихъ читать, уже вовсе не было. Отсюда, по преобладающей профессіи грамотныхъ людей, всѣхъ ихъ относили къ духовенству: всѣ они назывались „клириками“ (clerici, отъ clerus, κλῆρος, клиръ, т. е. духовенство); всѣ имѣли право и на одно изъ внѣшнихъ отличій духовенства отъ мірянъ—на тонзуру (выстриженіе макушки головы), и почти всѣ грамотные изъ низшихъ классовъ пользовались имъ [1]). Болѣе того, почти всѣ получившіе образованіе люди, чѣмъ бы они въ жизни ни занимались, должны были въ средніе вѣка оставаться безбрачными, по примѣру духовенства въ собственномъ смыслѣ слова. Вступая въ бракъ, ученый клирикъ навсегда терялъ право на полученіе какого-нибудь „бенефиція“ или „пребенды“ (т. е. дохода съ какой-либо церковной должности)—главныхъ источниковъ существованія для ученыхъ. Такимъ образомъ, въ Парижскомъ университетѣ, напр., даже доктора медицины, дальше другихъ ученыхъ стоявшіе отъ религіи, получаютъ разрѣшеніе жениться только въ половинѣ XV вѣка, а для женитьбы одного вѣнскаго профессора въ XIV вѣкѣ современники не могли подыскать другого объясненія, кромѣ сумасшествія: „uxorem duxit, versus in dementiam“ („сошелъ съ ума—женился“). Такъ долго не могло общество отдѣлить понятіе образованности отъ понятія принадлежности къ церкви.

Школа, какъ хозяйственное предпріятіе.

Но хотя средневѣковая школа возникла и все время жила въ нѣкоторой связи съ церковью, однако это не дѣлало ее простымъ придаткомъ къ церковной организаціи. „Обязанность заботиться о распространеніи и содержаніи школъ, про которую твердятъ своимъ прелатамъ католическіе законодатели, превращается жизнью въ одно изъ феодальныхъ правъ „полезнаго“ характера. Приви-

---

[1]) „Это своеобразное свидѣтельство объ окончаніи начальной школы, не налагая никакихъ обязанностей, давало очень серьезныя жизненныя преимущества, такъ какъ ставило человѣка подъ особое покровительство могучей духовной власти. Недаромъ купцы, которымъ много приходилось путешествовать, иногда самовольно выбривали себѣ макушки, чтобы въ случаѣ бѣды сойти за клириковъ“ (Н. Сперанскій, Очерки по исторіи народной школы въ Зап. Европѣ, стр. 181–182).

легированные духовные и свѣтскіе сеньёры „держатъ школы“ такъ же, какъ они держатъ общественныя хлѣбопекарни и мельницы, т. е. на полныхъ правахъ частной собственности въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала въ средніе вѣка. Школа не знаетъ ни государственной, ни церковной организаціи; она представляетъ собою видъ промышленнаго предпріятія и подчиняется общему характеру экономическаго строя своей эпохи... Количество школъ, нужныхъ для данной мѣстности, выборъ учителей, установленіе школьной таксы—все это зависѣло не отъ духовнаго управленія, а отъ школьныхъ патроновъ. Ими часто являлись духовныя лица и государи, но не какъ представители государственнаго или церковнаго начала, а какъ всѣ другіе феодальные собственники. Право „школьнаго патроната“ очень цѣнилось: оно постоянно поминается въ купчихъ крѣпостяхъ, его даютъ въ ленъ, дарятъ, имъ дѣлятся; школы приносятъ патронамъ доходъ, патроны даютъ ихъ за деньги или какъ награду за услуги, и патронатъ не только дарится, но и продается отдѣльно отъ имѣній. Одинъ нормандскій сеньёръ, Ивъ де-Вьепонъ, пишетъ въ 1403 году: „въ силу моей половинной баронін есть у меня право давать въ свой чередъ школу въ Нефбургѣ: дается она на три года, и разъ даю ее я, а другой разъ сеньёръ де-Камбонъ, и такъ далѣе, по-очереди“ [1]).

Однако, не всѣ школы зависѣли такимъ образомъ отъ мѣстныхъ сеньёровъ: съ XII вѣка начали возникать свободныя, самоуправляющіяся образовательныя корпораціи, зависѣвшія уже не отъ мѣстныхъ, а непосредственно отъ одной изъ всемірныхъ властей: отъ папы или отъ императора; это—„университеты“. Возникновеніе университетовъ не уничтожило, конечно, прежнихъ школъ; оно только придало имъ еще одну новую функцію: старыя школы стали подготовительными къ университетамъ. Но все-таки эпоха возникновенія первыхъ университетовъ, т. е. конецъ XII и начало XIII вѣка, составляетъ гранъ въ исторіи средневѣковаго образованія.

Нившія школы.

Надо отмѣтить одну основную черту средневѣковой школы, естественно вытекавшую изъ положенія ея относительно церкви и государства: школа эта не была регламентирована. „Мы привыкли разсматривать дѣленіе образованія, а въ связи съ этимъ и школъ, на три ступени: начальную, среднюю и высшую,—какъ что-то, само собою разумѣющееся и неизбѣжно вытекающее изъ сути дѣла. Эти ступени у насъ строго разграничены путемъ законодательныхъ

[1]) Н. Сперанскій, Очерки, стр. 211—214.

постановленій. Но средніе вѣка не знали еще ни школьнаго законодательства, ни строгаго дѣленія школъ на разряды. Только одно образовательное учрежденіе выдѣлялось ясно очерченными границами изъ совокупности всѣхъ тогдашнихъ школъ: это былъ университетъ, который поэтому и назывался „привилегированной школой". Всѣ прочія училища не подчинялись никакой регламентаціи: въ нихъ совсѣмъ не было установленныхъ задачъ преподаванія, не было и разъ навсегда опредѣленнаго круга учебныхъ предметовъ. Въ каждомъ изъ нихъ преподавалось то, что было желательно и возможно по общему положенію вещей въ каждое данное время. Никакихъ правъ по образованію тогда не было въ поминѣ. Даже къ поступавшимъ въ число студентовъ университета не предъявлялось тогда никакихъ опредѣленныхъ требованій въ смыслѣ образовательной подготовки... Самое отдѣленіе университета отъ низшихъ школъ носило въ средніе вѣка совершенно иной характеръ, чѣмъ теперь. Теперь гимназія и университетъ различаются между собою по составу и формѣ самаго преподаванія. Въ средніе же вѣка ихъ раздѣленіе основывалось преимущественно на внѣшнемъ признакѣ автономнаго управленія, которое и ставило университетъ выше всѣхъ прочихъ школъ"[1]). Этимъ объясняется неустойчивый и пестрый характеръ средневѣковыхъ школъ; въ нихъ лишь постепенно и самобытно складывается то, что принимаетъ твердыя формы въ теченіе Новой исторіи.

Мы остановимся сначала на школахъ стараго типа, а затѣмъ перейдемъ къ университетамъ.

Что представляли собою эти старыя школы? Какіе мотивы вызвали ихъ учрежденіе? Были ли эти школы „начальными училищами" въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы понимаемъ такія училища теперь? Долженъ ли былъ проходить черезъ нихъ, по возможности, весь народъ, чтобы почерпнуть тамъ нѣкоторыя, хотя бы скудныя познанія о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, нѣкоторые элементы общаго образованія въ духѣ той эпохи?—Нѣтъ; такого характера средневѣковая начальная школа не имѣла. Она была *латинской* школой; она учила латинскому языку по латинскимъ руководствамъ, что дѣлало ее совершенно чуждой народу въ его цѣломъ. Кромѣ того, въ средніе вѣка, при общей бѣдности и малочисленности учебныхъ учрежденій, нечего было и думать провести черезъ школу сколько-

[1]) Paulsen, статья въ Historische Zeitschrift, 1881, стр. 400; Н. Сперанскій Очерки, стр. 99—100.

нибудь значительную часть народа. Въ то время даже простая грамотность представляла необыкновенныя трудности: надо было безграмотнаго человѣка научить читать непонятныя ему латинскія слова неразборчивыхъ рукописей. Это дѣлало искусство чтенія столь труднымъ, что даже школьное преподаваніе шло въ средніе вѣка такимъ образомъ: дѣти сначала выучивали съ голоса не только главнѣйшія молитвы, но и всю латинскую псалтирь, и затѣмъ уже только учили азбуку и садились читать по той же псалтири [1]). И хотя католическая церковь никогда не упускала окончательно изъ виду воспитательнаго воздѣйствія на народъ, однако она пользовалась для этого другими, менѣе дорого стоившими и болѣе доступными народу средствами: проповѣдью, исповѣдью, совершеніемъ богослуженія, таинствъ и обрядовъ. Школа же имѣла въ средніе вѣка другое назначеніе: она должна была готовить пастырей церкви, а также лицъ всѣхъ профессій, соприкасавшихся въ средніе вѣка съ церковью: школьныхъ учителей, переписчиковъ рукописей и т. д. Это была школа для подготовки духовенства, набиравшагося при целибатѣ изъ всего народа, и только въ этомъ смыслѣ ее можно назвать „народной“.

Извѣстны заботы Карла Великаго объ учрежденіи школъ въ своей имперіи [2]). Но приказанія его часто оставались мертвой буквой; а если гдѣ въ его время и были заведены школы, то большинство ихъ погибло въ неурядицахъ и смутахъ IX вѣка. Поэтому, если не считать немногихъ школъ въ деревняхъ, то всѣ образовательныя учрежденія первой половины среднихъ вѣковъ сводятся къ монастырскимъ и капитульнымъ [3]) школамъ. И тѣ и другія дѣлились на „внутреннія“ и „внѣшнія“. Во внутреннихъ воспитывались ученики, которые уже въ дѣтскомъ возрастѣ были приняты въ монахи или каноники (pueri oblati); во внѣшнихъ учились „свѣтскія“ дѣти. Но и эти свѣтскія дѣти шли лишь за

---

[1]) Н. Сперанскій, Очерки, стр. 26.

[2]) См. объ этомъ въ „Книгѣ для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ“, I вып., статья XVI, стр. 384 и сл.

[3]) „Капитулы канониковъ—особаго рода духовныя конгрегаціи, дѣлившія съ епископами дѣло управленія епархіями; они держали въ своихъ рукахъ всѣ крупныя церкви. Капитулъ собора того города, гдѣ была резиденція епископа, назывался соборнымъ, остальные назывались коллегіальными“ (Н. Сперанскій, Очерки, стр. 200). Устройство капитула близко напоминало монастырь, съ однимъ отличіемъ: монахи отрекались отъ права личной собственности, сохраняя его за монастыремъ, члены же этихъ духовныхъ конгрегацій одновременно располагали правомъ собственности и личной и конгрегаціонной.

тѣмъ, чтобы впослѣдствіи пополнять собой ряды того же духовенства... Обученіе во всѣхъ этихъ школахъ было безплатное, жили же ученики „внутреннихъ“ школъ на средства учрежденій, державшихъ школы, а ученики „внѣшнихъ“ школъ—на средства родителей или на доброхотныя даянія. Обыкновенно способнѣйшіе изъ учениковъ маленькихъ школъ отправлялись для завершенія своего образованія въ „большія“ школы того же типа, прославленныя талантами и ученостью своихъ преподавателей; туда стекались, такимъ образомъ, тысячи учениковъ. Изъ соборныхъ (иначе каѳедральныхъ, или епископальныхъ, или капитульныхъ) школъ славились въ XI и XII вѣкахъ школы Реймса, Лана, Парижа (при соборѣ Notre Dame) и нѣкоторыхъ другихъ городовъ; изъ монастырскихъ—школа аббатства Бэкскаго (въ Нормандіи) и школы при парижскихъ монастыряхъ св. Виктора и св. Женевьевы.

Учителя. Во главѣ монастырскихъ школъ становились болѣе образованные изъ братіи монастыря; для преподаванія же въ соборныхъ школахъ капитулы выбирали изъ своей среды особое лицо, носившее различные титулы: scholasticus (схоластикъ), magister scholarum (начальникъ школъ), cancellarius (канцлеръ), cantor (канторъ, т. е. начальникъ хора; см. ниже), rector и т. д. „Съ XI вѣка у членовъ соборныхъ капитуловъ замѣчается стремленіе къ выдѣлу изъ конгрегаціонныхъ имѣній особыхъ бенефицій, пріурочиваемыхъ къ той или иной должности, какую кто исполнялъ въ конгрегаціи. Чѣмъ важнѣе была должность, тѣмъ болѣе доходная доставалась ей бенефиція; а такъ какъ схоластикъ или канцлеръ, завѣдовавшій епископальной школой, считался вторымъ лицомъ въ капитулѣ послѣ декана, то и предоставляемая ему бенефиція была одною изъ самыхъ богатыхъ“. Ставши богатымъ человѣкомъ, „схоластикъ“ терялъ интересъ къ преподаванію и сталъ ограничиваться ролью наблюдателя за ходомъ преподаванія. Схоластики, мѣста которыхъ бывали заняты, по большей части, младшими членами вліятельныхъ дворянскихъ фамилій, нанимаютъ за себя учить въ школахъ другихъ учителей—изъ людей менѣе обезпеченныхъ. Пользуясь бенефиціей за свои труды по школѣ, которыхъ схоластикъ фактически почти не несъ, онъ, тѣмъ не менѣе, ничего не давалъ на содержаніе школы и учителей, и они жили на то, что имъ удавалось выговорить или выпросить себѣ у состоятельныхъ учениковъ. Бѣдняковъ они учили даромъ и принимали въ школы довольно охотно, такъ какъ тѣ помогали имъ въ преподаваніи, а часто и замѣщали ихъ.

Эти подручные учителя, школьные „подмастерья", „провизоры", „локаты" и т. п. набирались, по большей части, или изъ старшихъ учениковъ той же школы или изъ недоучившихся въ высшихъ школахъ и въ университетахъ клириковъ. Положеніе этихъ фактическихъ учителей было очень жалкое. Ничтожное вознагражденіе и всеобщее пренебрежительное отношеніе къ нимъ таковъ былъ удѣлъ этихъ просвѣтителей молодежи Чаще всего учительское званіе было только временнымъ — впредь до пріисканія какой-либо церковной должности или же до продолженія своего личнаго образованія въ университетѣ. Нерѣдко попадали въ учителя и „бродячіе" клирики (clerici vagantes); они составляли цѣлый шутовской орденъ (Ordo vagorum) и называли себя „голіардами", паствой невидимаго епископа Голіи, патрона своего ордена. Когда такому бродячему клирику наскучивало ходить изъ одного города въ другой, ночевать тамъ, куда пускаютъ изъ милости, а то и просто подъ стогомъ сѣна или въ канавѣ подлѣ большой дороги, когда ему надоѣдало питаться впроголодь и какъ попало—то какимъ-нибудь случайнымъ заработкомъ, то подаяніемъ, а то и прямо воровствомъ, — онъ часто нанимался въ звонари или причетники и въ то же время въ школьные учители въ деревнѣ или въ учительскіе помощники (socii, secundarii, Gesellen)въ городскія школы. Уровень нравственнаго развитія и педагогическіе пріемы такихъ учителей часто были очень низки и грубы.

Курсъ начальной школы.

Посмотримъ теперь, чему учила эта начальная профессіонально-духовная школа Школьныя занятія шли въ такомъ порядкѣ. „Всякій садившійся за науку ребенокъ долженъ былъ прежде всего выучить наизусть по-латыни Отче Нашъ, молитву Богородицѣ, Символъ Вѣры и всѣ полтараста псалмовъ Покончивъ съ псалмами, мальчикъ садился за азбуку. Учитель давалъ ему въ руки дощечку, на которой были написаны по порядку буквы алфавита и нѣкоторые склады, а затѣмъ переводилъ его на псалтирь... По мѣрѣ успѣховъ въ чтеніи, ученики мало-по-малу переходили къ письму, а затѣмъ присоединяли пѣніе и счетъ" [1]). Пѣніе занимало самое выдающееся мѣсто въ средневѣковой школѣ: „второй по важности сана членъ капитула, сосредоточивавшій въ своихъ рукахъ права и обязанности попечителя учебнаго округа, такъ же часто является съ титуломъ кантора, какъ и съ титуломъ схоластика. Кантору собора Парижской Божіей Матери оставались подвѣдом-

[1]) Н. Сперанскій, Очерки, стр. 100 и сл.

ственными всѣ парижскія начальныя школы вплоть до Революціи". Изученіе счета ограничивалось почти одной таблицей умноженія.

Къ этому и сводился курсъ начальной школы, кругъ тѣхъ знаній, „которыя требовались отъ каждаго желавшаго приступить къ изученію настоящей премудрости, знаменитыхъ „семи свободныхъ искусствъ". Знанія эти имѣли, впрочемъ, цѣну и сами по себѣ. Присовокупивъ къ нимъ Святцы, Малую Пасхалію да немного Устава, школьникъ могъ уже представляться къ посвященію въ духовный санъ и разсчитывать на полученіе одной изъ низшихъ церковныхъ должностей.. Къ изученію же septem artes liberales приступали только наиболѣе одаренные и въ то же время наиболѣе настойчивые изъ тѣхъ, кто пробовалъ свои силы въ ученіи"

Эти „семь свободныхъ искусствъ", семь ступеней лѣстницы предмудрости (septemplex sapientia) дѣлились на trivium и quadrivium. Тривіумъ. циклъ словесныхъ предметовъ (artes sermonicales), предшествовалъ квадривіуму; въ составъ его входили: грамматика, риторика и діалектика. Квадривіумъ (artes reales или materiales) состоялъ изъ ариѳметики, астрономіи, музыки и геометріи [1]).

Вотъ краткая „объяснительная записка" къ этимъ семи искусствамъ, выраженная въ двухъ гекзаметрахъ (названія предметовъ сокращены):

Gram. loquitur; dia. vera docet; rhe. verba colorat;
Mus. canit; ar. numerat; geo. ponderat; as. colit astra,

т. е. грамматика говоритъ; діалектика учитъ истинѣ; риторика украшаетъ рѣчь; музыка поетъ; ариѳметика считаетъ; астрономія изучаетъ звѣзды.

Грамматика. „Матерью и основой семи свободныхъ наукъ всю первую половину среднихъ вѣковъ считалась грамматика. На картинахъ того времени она изображалась въ видѣ царицы, покоящейся подъ древомъ познанія добра и зла; на головѣ у нея корона, въ правой рукѣ ножъ, служившій для подчистокъ ошибокъ въ рукописяхъ, а въ лѣвой бичъ—необходимѣйшая принадлежность средневѣковаго учителя. На изученіе грамматики тратилась тогда безусловно большая часть всего школьнаго времени. Занятія ею открывались чтеніемъ Эзоповыхъ басенъ и сборника нравственныхъ изреченій, приписывавшихся Катону Старшему, а также заучиваньемъ ру-

[1]) Дѣленіе это установлено въ V вѣкѣ по Р. Х. Маркіаномъ Капеллой и извѣстнымъ Кассіодоріемъ, авторомъ энциклопедическаго сочиненія „De septem disciplinis".

ководства Доната, римскаго грамматика половины IV в. по Р. Х... Кромѣ Доната, въ средніе вѣка былъ еще цѣлый рядъ самостоятельныхъ элементарныхъ руководствъ: Es tu scholaris, Arcubius, Fundamentum scholarium и т. п. Вотъ начало одного изъ такихъ руководствъ:

„Es tu scholaris?—Sum.—Sum какая часть рѣчи?—Глаголъ.—Почему?—Потому, что эта часть рѣчи со временемъ и лицомъ, безъ падежа, означающая дѣйствіе или страданіе или ни то, ни другое.—Какой это глаголъ?—Неправильный.—Сколько неправильныхъ глаголовъ?—Четыре.—Какіе?—Sum, volo, fero и edo.—Что значитъ sum?—Я есмь... Откуда происходитъ sum?—Отъ греческаго слова *hemi* [1]): измѣняя h въ s, e въ u и отбрасывая i, мы имѣемъ sum“... и т. д.

Послѣ изученія элементарныхъ руководствъ ученики переходили къ чтенію болѣе трудныхъ авторовъ. Толкованіе этихъ послѣднихъ носило почти исключительно грамматическій характеръ и сопровождалось безконечнымъ заучиваніемъ ихъ наизусть. Затѣмъ начинали высшій курсъ грамматики, который проходился сначала по Присціану, а съ XIII вѣка по самостоятельнымъ средневѣковымъ руководствамъ, знаменитѣйшимъ изъ которыхъ было Doctrinale Александра de Villa Dei.

Чтобы дать понятіе объ этомъ руководствѣ, заимствуемъ изъ него начало правилъ объ окончаніяхъ падежей перваго склоненія (изъ I части):

„Rectis *as*, *es*, *a* tibi dat declinatio prima...
Dans *ae* diphthongum genetivus atque dativus,
Am servat quartus; tamen *an* aut *en* reperimus,
Cum rectus fit in *as*, vel in *es*, vel cum dat *a* Graecus“ и т. д.

т. е. „первое склоненіе въ прямыхъ падежахъ (именительномъ и звательномъ) даетъ тебѣ окончанія as, es, a... Между тѣмъ какъ родительный и дательный даютъ двугласную ae, четвертый (винительный) падежъ имѣетъ am; однако, мы находимъ an и en тогда, когда прямые падежи оканчиваются на as или es или на a въ словахъ, взятыхъ съ греческаго“...

Изъ отдѣловъ грамматики латинскаго языка наиболѣе разработанъ былъ самый философскій — синтаксисъ. Вѣнцомъ занятій грамматикой служило dictamen metricum, т. е. искусство писать латинскіе стихи размѣромъ древнихъ авторовъ.

---

[1]) Т. е. собственно *eimi* (εἰμί).

Риторика и діалектика.

Риторикѣ, въ смыслѣ стилистики и теоріи ораторскаго искусства, средневѣковая школа долго вовсе не учила; вмѣсто того, подъ названіемъ риторики преподавалось dictamen prosaicum, т. е. искусство составлять въ образцовомъ видѣ письма, грамоты и вообще акты дѣлового и правового характера... Тутъ же читались и разбирались и сборники духовныхъ законовъ, а равно и другіе юридическіе источники.

Діалектика, т. е. собственно логика, „въ первую половину среднихъ вѣковъ была развита очень слабо; она служила только для подготовленія учащихся къ пониманію тѣхъ остатковъ умственнаго творчества предшествующихъ поколѣній, безъ которыхъ средневѣковому обществу нельзя было обойтись въ практической жизни“. И тѣмъ не менѣе, діалектика „дѣйствительно была disciplina disciplinarum, какъ ее называетъ Рабанъ Мавръ; она одна изъ всѣхъ „семи свободныхъ наукъ“ сохранила образовательный характеръ; она одна имѣла въ виду развитіе мыслительной способности учениковъ. Немудрено, что на нее и оперлось умственное движеніе второй половины среднихъ вѣковъ, что изъ нея и сдѣлалъ пробудившійся человѣческій разумъ главное орудіе для перестройки всей системы образованія и что ее онъ положилъ краеугольнымъ камнемъ новаго университетскаго зданія“ [1]).

Ариѳметика и астрономія.

Въ ариѳметику, помимо дѣйствій надъ числами, которыя были необыкновенно трудны (особенно дѣленіе многозначныхъ чиселъ) при римской системѣ нумераціи, входило еще символическое толкованіе чиселъ. Вотъ, напр., какъ объяснялъ извѣстный ученый IX вѣка Рабанъ Мавръ тайный смыслъ того, что Моисей, Илія и самъ Христосъ постились по 40 дней. Число 40 содержитъ въ себѣ 4 раза число 10. Этимъ указывается на все, что относится къ временной жизни. Ибо по числу 4 протекаютъ времена дня и года. Времена дня распадаются на утро, день, вечеръ и ночь; времена года—на весну, лѣто, осень и зиму. „И хотя мы живемъ во временной жизни, но ради вѣчности, въ которой мы хотимъ жить, мы должны воздерживаться отъ временныхъ удовольствій и поститься“. Далѣе, въ числѣ 10 намъ можно распознать Бога и твореніе. Троица указываетъ на Творца, семерка—на твореніе, которое состоитъ изъ тѣла и духа. Въ послѣднемъ мы опять находимъ троичность, такъ какъ мы должны любить Бога всѣмъ сердцемъ, и всею душею, и всѣмъ помышленіемъ. Въ тѣлѣ же ясно

1) Н. Сперанскій, Очерки, стр. 78—79.

выступаютъ четыре элемента, изъ которыхъ оно состоитъ. „Итакъ, тѣмъ, что указано въ числѣ 10, приглашаемся мы въ этой временной жизни (ибо число 10 взято 4 раза) жить цѣломудренно и воздерживаться отъ плотскихъ похотей: вотъ что значитъ поститься 40 дней".

„Въ тѣснѣйшей связи съ ариѳметикой стояла астрономія. Средневѣковый школьный терминъ Computus обнимаетъ собою по большей части основы обѣихъ этихъ наукъ заразъ.. Геометрія до XI вѣка совсѣмъ почти не преподавалась въ средневѣковыхъ школахъ; по большей части, подъ именемъ геометріи школа преподавала описаніе земли и существъ, ее населяющихъ. Въ эту геометрію и входили тѣ „Физіологи" и „Бестіаріи", гдѣ такъ пышно разыгрывалась средневѣковая фантазія, гдѣ можно было найти растущихъ на корню барановъ, птицъ, рождающихся изъ плодовъ, и т. п.". Таковъ былъ циклъ „семи свободныхъ искусствъ", исчерпывавшій почти всѣ знанія того времени. Измѣнился, расширился объемъ преподаванія и вообще науки уже только съ возникновеніемъ университетовъ.

Ученики.

Посмотримъ теперь на то, какъ жилось средневѣковому школьнику, какіе воспитательные пріемы, какіе способы возбужденія интереса примѣняли къ нему учащіе, каковы были отношенія между учителями и учениками. Обстановка средневѣковой школы необыкновенно тяжело отзывалась на учащемся. Крайне примитивные пріемы и мертвенный характеръ преподаванія, недостатокъ въ учебныхъ пособіяхъ и руководствахъ, неясность и неуклюжая форма этихъ руководствъ, выраженныхъ по большей части въ латинскихъ стихахъ съ различными сокращеніями и условными знаками все это приводило къ тому, что заставлять учениковъ учиться можно было почти однимъ только страхомъ въ самой грубой его формѣ — въ формѣ страха тѣлеснаго наказанія. „Розга въ средніе вѣка является символомъ школы. Sub virga degere, sub virga magistri constitutum esse („жить подъ розгой, вырости подъ розгой учителя") — вотъ средневѣковыя выраженія для нашего понятія „получать образованіе" .. Средніе вѣка не соглашались допустить, чтобы самъ Христосъ могъ учиться безъ розги. Одна поэма XII вѣка разсказываетъ, что когда Онъ мальчикомъ сталъ ходить въ начальную школу и при первой же буквѣ Алефъ хотѣлъ объяснить ея значеніе, то учитель высѣкъ Его за преждевременное знаніе... „По истинѣ, къ мученикамъ должны мы приравнять дѣтей, которыя живутъ въ невинности и охотно учатся", говоритъ въ XIII вѣкѣ

Цезарій Гейстербахскій. „Кромѣ битья, ученики часто страдали отъ гигіеническоей обстановки въ закрытыхъ школахъ, отъ недостаточнаго и неправильнаго питанія, отъ болѣзней, и многіе изъ нихъ или совсѣмъ погибали, или уходили, не кончивъ своего образованія, или же кончали его больными, калѣками. И для того, чтобы пройти полный курсъ образованія въ средніе вѣка, надо было обладать не только выдающимися духовными качествами: хорошей памятью, большой способностью къ формально-логическому, или діалектическому мышленію, необыкновенной усидчивостью, вниманіемъ и терпѣніемъ, но и „желѣзнымъ здоровьемъ и устойчивой нервной системой. Средневѣковая школа выпускала немало людей и съ большими знаніями, и съ характерами, но она достигала этого не столько воспитаніемъ, сколько подборомъ“.

Этой необыкновенной трудностью и тяжестью средневѣковой школы объясняется одна замѣчательная черта ея: въ нее охотно принимали бѣдноту, которая и составляла главную массу учащихся. И хотя образованіе и въ средніе вѣка въ значительной степени обезпечивало лучшее положеніе въ жизни, однако болѣе состоятельные люди часто сторонились отъ этой жестокой школы, и пастыри церкви и помощники свѣтскихъ правителей набирались въ значительной степени изъ дѣтей „простыхъ“, „среднихъ“ людей.

Таковъ былъ характеръ той школы, которая до XII—XIII вв. была въ Западной Европѣ единственной, а съ этого времени стала еще подготовительной ступенью къ университетамъ. Къ характеристикѣ университетовъ мы и переходимъ.

Университетъ.

Высшія учебныя заведенія того типа, который мы называемъ „университетомъ“, назывались въ средніе вѣка чаще всего *studium generale*[1]), что значило „общая (или всеобщая) школа“. Это была „школа для всѣхъ“ желающихъ пріобрѣтать познанія, безъ различія тѣхъ мѣстностей, учрежденій, націй и государствъ, изъ которыхъ происходилъ учащійся. Признакомъ „доступности для всѣхъ“ studium generale противополагалось мѣстнымъ или частнымъ школамъ, учреждавшимся для надобностей извѣстной округи или корпораціи: монастыря, города, того или другого капитула и т. д. Первыя studia generalia (въ Салерно, Болоньѣ, Парижѣ, отчасти въ Оксфордѣ) возникли естественнымъ процессомъ развитія: остальныя учреждались по образцу одной изъ этихъ школъ. Еще въ XII вѣкѣ нѣко-

[1]) Школу въ средніе вѣка называли какъ schola, такъ и studium (собственно „занятія“), обозначая вещь по ея назначенію.

торыя изъ монастырскихъ и соборныхъ училищъ и нѣкоторыя школы отдѣльныхъ преподавателей (напр., Абеляра въ Мелёнѣ и Параклетѣ) стали получать громкую извѣстность въ Европѣ, стали пользоваться всеобщимъ признаніемъ. Эти большія школы можно считать предтечами „университетовъ“. [Universitas въ средніе вѣка значило „корпорація“, „обладающая извѣстной долей самостоятельности община“; universitates и назывались всякія такого рода корпораціи: городскія, ремесленныя и др. „общества“. Поэтому, и личный составъ даннаго studium generale назывался universitas studii (ученая корпорація) или universitas magistrorum et scholarium (корпорація магистровъ и учащихся). И вотъ, въ концѣ XII или началѣ XIII вѣка школы въ Парижѣ и Болоньѣ, пользовавшіяся общей славой и служившія потребностямъ всего западно-европейскаго міра, организуются въ корпораціи съ цѣлымъ рядомъ правъ и привилегій и, такимъ образомъ, становятся universitates.]

Посмотримъ теперь, какими чертами характеризовались studia generalia, въ отличіе отъ прежнихъ школъ. Такъ какъ первыя studia generalia были признаны всѣмъ западно-европейскимъ міромъ и принимали слушателей отовсюду, то было совершенно естественно, что и [пріобрѣтаемыя въ нихъ познанія и выдаваемыя ими ученыя степени также получали всеобщее признаніе. Выдававшееся руководителями прежнихъ школъ (канцлерами, схоластиками и т. д.) „позволеніе преподавать“ (licentia docendi, учительскій дипломъ) превратилось въ Парижѣ и Болоньѣ въ „право преподавать повсемѣстно“ (facultas ubique docendi). Парижъ и Болонья очень дорожили этой привилегіей своихъ studia generalia, и когда, съ конца первой трети XIII вѣка, начали основываться новыя studia generalia, дипломированные тамъ ученые могли преподавать вездѣ, кромѣ Парижа и Болоньи (это преимущественное положеніе старѣйшихъ университетовъ исчезло лишь впослѣдствіи). Далѣе, studium generale должно было быть признано какою-либо изъ всемірныхъ властей: либо папой, либо императоромъ; нѣкоторые же университеты имѣли указы отъ обѣихъ властей.] И мы видимъ, дѣйствительно, что изъ 44 studia generalia, возникшихъ до 1400 года, 21 были открыты на основаніи однихъ папскихъ указовъ, а еще другіе 10 имѣли какъ папскіе, такъ и императорскіе (или королевскіе) указы. [Короли и территоріальные князья основывали университеты, только испросивъ предварительно согласія и благословенія у папы или разрѣшенія у императора.]

Само собою разумѣется, что въ studia generalia число какъ

учащихся, такъ и учащихъ скоро стало весьма значительнымъ; это обстоятельство содѣйствовало процвѣтанію университетовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя названія преподававшихся въ университетахъ предметовъ остались тѣ же, какія были и въ прежней школѣ (прибавилась одна медицина), но объемъ каждаго предмета значительно расширился, и они стали преподаваться систематичнѣе и болѣе методически. Въ то же время все болѣе и болѣе выступаетъ на первый планъ „діалектика“, т. е. то, что мы теперь называемъ средневѣковой (схоластической) философіей. Аристотель начинаетъ вытѣснять латинскихъ поэтовъ и ораторовъ. Измѣняется и методъ богословской науки. Вмѣсто чтенія и толкованія Отцовъ церкви, все болѣе утверждается „діалектическій“ методъ разработки вѣроученія, впервые введенный Абеляромъ, — методъ, прославившій Парижскій университетъ. Абеляръ требовалъ вѣры для того, чтобы прійти черезъ нее къ уразумѣнію. Такая постановка дѣла открывала просторъ для приложенія разума въ цѣляхъ обработки и развитія истинъ вѣры и оказалась очень плодотворной.

Какъ корпораціи, studia generalia обладали цѣлымъ рядомъ весьма существенныхъ правъ и привилегій: они въ значительной степени пользовались самоуправленіемъ, имѣли своихъ выборныхъ должностныхъ лицъ, свой судъ, свою печать, имѣли право производить экзамены на ученыя степени, издавать обязательныя для своихъ членовъ постановленія и т. д.; они составляли какъ бы особое государство въ государствѣ.

Древнѣйшимъ изъ studia generalia была медицинская школа въ Салерно, время возникновенія которой въ точности не извѣстно. Салернскіе врачи уже въ XI вѣкѣ пользовались славой въ Европѣ.

Въ XII вѣкѣ возникъ университетъ въ Болоньѣ изъ школы римскаго права знаменитаго Ирнерія. Этотъ университетъ былъ главнымъ центромъ изученія римскаго права для всей Европы. Здѣсь университетская корпорація состояла не изъ однихъ магистровъ (какъ это было въ Парижѣ), а изъ магистровъ и слушателей вмѣстѣ. Этимъ обусловливалась демократическая, такъ сказать, организація университета[1]).

Парижскій университетъ.

Какъ Болонскій университетъ былъ прообразомъ для одной группы позднѣйшихъ университетовъ, такъ для другой—образцомъ былъ Парижъ. Парижскія школы славились еще со временъ Гильома изъ Шампо, учившаго въ началѣ XII вѣка въ каѳедральной школѣ

[1]) См. статью о Болонскомъ университетѣ.

при Notre Dame, а потомъ въ школѣ аббатства св. Виктора. Еще болѣе прославилъ ихъ рыцарь схоластики — Абеляръ. Во главѣ парижскихъ школъ стоялъ канцлеръ капитула собора Notre Dame. Обладая богатыми бенефиціями и давно не занимаясь въ школѣ самъ, канцлеръ наблюдалъ за ходомъ преподаванія, набиралъ учителей въ школы, выдавалъ имъ учительскіе дипломы (licentiam docendi). Въ XII в. въ Парижѣ было также много частныхъ учителей, учившихъ у себя на дому или просто подъ открытымъ небомъ; большинство ихъ жило около „Малаго моста“, соединявшаго Сите (центральную часть города, расположенную на островѣ Сены) съ лѣвымъ берегомъ. Общность интересовъ у нихъ, общее всѣмъ имъ стремленіе заставить канцлера Notre Dame давать licentiam docendi только достойнымъ людямъ — такимъ, которыхъ они сами были бы не прочь принять въ свою среду, сплачивало этихъ магистровъ въ societates (общества, кружки). Наконецъ, въ концѣ XII вѣка образовались четыре корпораціи магистровъ четырехъ дисциплинъ (facultates): богословія, права, медицины и того, что въ средніе вѣка называлось artes liberales. „Источникъ мудрости“ въ Парижѣ, говоритъ Littera Universitatis magistrorum et scholarium Parisius studentium, дѣлится „на четыре факультета: богословіе, юриспруденцію, медицину и философію раціональную, естественную и нравственную; это какъ бы четыре райскихъ рѣки“. Магистры, читавшіе на этихъ факультетахъ, „получили отъ обѣихъ властей (т. е. отъ папы и отъ свѣтской власти) корпоративный или университетскій строй (corpus collegii sive universitatis) и много привилегій и льготъ, такъ какъ имъ свободнѣе и спокойнѣе можно было заниматься, когда они были соединены какими-либо особыми юридическими отношеніями“. Слово facultas (буквально „способность“) обозначало сначала особую область знаній; потомъ оно было перенесено и на самую корпорацію, преподававшую эту группу знаній, на коллегію магистровъ данной спеціальности, т. е. стало обозначать то, что называется „факультетомъ“ въ наше время.

Изъ четырехъ факультетовъ Парижскаго университета истинную славу и гордость его составлялъ богословскій факультетъ. Здѣсь именно выработалась та система католическаго вѣроученія, которая была санкціонирована папами и за которую католицизмъ держится до сихъ поръ; здѣсь послѣдовательно другъ за другомъ преподавали всѣ свѣтила схоластической философіи и теологіи; здѣсь считалъ необходимымъ закончить свое образованіе каждый клирикъ, мечтавшій о видной ученой или духовной

карьерѣ, и всякій гордился, если онъ могъ сказать, что изучалъ богословіе въ Парижѣ. Парижъ въ средніе вѣка почтили названіемъ „города науки“, „новыхъ Аѳинъ“, и говорили, что „Италія имѣетъ папство, Германія — имперію, Парижъ — университетъ (studium)“. Парижскій богословскій факультетъ „представлялъ собой не только всемірно-знаменитое учебное учрежденіе, но въ то же время въ теченіе долгаго ряда лѣтъ являлся душой католической церкви и истиннымъ руководителемъ религіозной жизни Европы. Чтобы оцѣнить силу его вліянія, стоитъ только припомнить его роль во время великой церковной схизмы и въ эпоху реформаціонныхъ соборовъ. Глава этого факультета, крестьянскій сынъ Герсонъ, былъ главнѣйшимъ руководителемъ того движенія, которое суждено было довести до конца рудокопу Лютеру“ [1]).

Факультеты въ Парижѣ состояли изъ магистровъ, преподававшихъ однородныя науки; студенты причислялись къ факультетамъ черезъ своихъ магистровъ. Во главѣ факультетовъ стояли деканы, избиравшіеся магистрами изъ своей среды на одно полугодіе. Деканы наблюдали, чтобы магистры исправно читали лекціи, завѣдовали экзаменами, руководили собраніями факультетовъ, заботились о доходахъ, о льготахъ и правахъ своихъ факультетовъ. Въ концѣ каждаго курса члены факультета распредѣляли между собою чтеніе лекцій на слѣдующее полугодіе или годъ, устанавливали лекціонные часы и размѣры студенческой платы за слушаніе лекцій (honorarium).

Организація Парижскаго университета, какъ цѣлаго, была въ то время еще очень несовершенна; университетъ не имѣлъ ни собственнаго помѣщенія, ни залы для общихъ собраній своихъ членовъ, ни постоянныхъ доходовъ и расходовъ, ни своихъ собственныхъ служителей. Когда приходилось вести процессъ или отправлять депутацію, дѣлали прямо сборъ со всѣхъ пользовавшихся университетскими привилегіями. Излишекъ доходовъ надъ расходами дѣлили между магистрами и недѣлями или пропивали въ тавернѣ...

Факультеты.

Философскій или артистическій факультетъ (facultas artium) былъ не равноправенъ съ тремя остальными: по отношенію къ нимъ онъ былъ только подготовительнымъ, и въ студенты „старшихъ“ факультетовъ поступали почти исключительно клирики, окончившіе курсъ и получившіе степень магистра артистическаго

[1]) П. Сперанскій, Очерки, стр. 175.

факультета. Такимъ образомъ, часто одно и то же лицо читало лекціи на факультетѣ artium и въ то же время было студентомъ того или другого изъ старшихъ факультетовъ.

Само собою разумѣется, что далеко не всѣ „артисты“ поступали впослѣдствіи на высшіе факультеты. Вотъ статистическія свѣдѣнія относительно процента студентовъ, достигавшихъ ученыхъ степеней въ Лейпцигскомъ университетѣ въ XV и началѣ XVI вѣка. „Изъ 100 имматрикулировавшихся (т. е. записавшихся на слушаніе лекцій въ „матрикулъ“, университетскіе списки) экзаменъ на бакалавра артистическаго факультета, къ которому студенты допускались послѣ двухъ лѣтъ слушанія лекцій, держало около 30 человѣкъ. На этомъ экзаменѣ обыкновенно проходили почти всѣ. Но изъ этихъ 30 бакалавровъ къ магистерскому экзамену, который имѣлъ мѣсто на шестомъ году пребыванія въ университетѣ и по своему характеру соотвѣтствовалъ больше всего нашему экзамену зрѣлости, являлось всего 6 человѣкъ. Что же касается лицъ, получавшихъ ученыя степени на старшихъ факультетахъ, то число ихъ было совершенно ничтожно“. Замѣчательно, что богословіе въ средніе вѣка вовсе не занимало въ университетахъ первенствующаго положенія. „Обыкновенно принято считать богословіе вѣнцомъ и даже ядромъ всего университетскаго преподаванія въ средніе вѣка. Но это вовсе не такъ Изъ 46 университетовъ, которые возникли до 1400 года, въ 28, т. е. почти въ двухъ третяхъ ихъ числа, богословіе совсѣмъ не было допущено въ программу занятій“ [1]. Насколько малолюдны были старшіе факультеты, видно, напр., изъ того, что „въ Лейпцигѣ въ концѣ XV вѣка было 700 съ небольшимъ студентовъ, и изъ нихъ слишкомъ 600 были „артисты“; около 100—юристы; богослововъ всего 6—7 человѣкъ, а медиковъ—5“. Богатые слушатели группировались, повидимому, преимущественно на юридическомъ факультетѣ; богословскій состоялъ почти сплошь изъ бѣдноты.

Параллельно соединенію магистровъ въ факультеты, и студенты начали мало-по-малу соединяться въ кружки, съ цѣлью возможно дешевле и лучше устроиться на житье въ Парижѣ. Пріѣхавъ или придя пѣшкомъ съ котомкой за плечами въ Парижъ—часто Христовымъ именемъ, молодой человѣкъ первымъ дѣломъ разыскивалъ земляковъ и при ихъ помощи ориентировался въ городѣ, нанималъ себѣ помѣщеніе, записывался слушателемъ къ тому или другому

Націи. Ректоръ.

[1]) Denifle, Die Universitäten des Mittelalters, I, 703.

профессору и т. д. Выгоды такого сплоченія для студентовъ были очевидны, и мелкіе кружки—землячества—стали группироваться въ „провинціи“, а провинціи—въ „націи“. Въ націи входили студенты всѣхъ факультетовъ, а также магистры „артистическаго“ факультета (magistri in artibus legentes), большинство которыхъ были студентами или бакалаврами старшихъ факультетовъ. Во главѣ каждой изъ націй стоялъ „прокураторъ“, выбиравшійся изъ своей среды магистрами artium. Позже 4 націи стали выбирать себѣ одного главу—„ректора“. Сначала его выбирали изъ своей среды одни бакалавры богословія (т. е. магистры artium, получившіе первую ученую степень на богословскомъ факультетѣ), а затѣмъ ректора начинаютъ выбирать „прокураторы“. Какъ прокураторы, такъ и ректоръ обязаны были защищать студентовъ, если ихъ привлекали къ суду, имѣть надзоръ за ихъ поведеніемъ и нравственностью, за порядкомъ въ университетѣ и т. д. Ставши главою четырехъ націй, ректоръ мало-по-малу дѣлается такимъ же предсѣдателемъ „артистическаго“ факультета, какими на другихъ факультетахъ были „деканы“, а затѣмъ объединяетъ (около половины XIV вѣка) подъ своей властью и весь университетъ. Это было совершенно естественно, такъ какъ „артистическій“ факультетъ былъ самымъ многолюднымъ [1]); при всякомъ спорѣ или столкновеніи „артисты“ могли выставить наибольшее число людей, собрать больше всего денегъ и т. д. И вотъ, постепенно ректоръ забираетъ въ свои руки управленіе всѣмъ университетомъ: начинаетъ созывать общія собранія, предсѣдательствуетъ на нихъ и приводитъ въ исполненіе ихъ постановленія. Первое время ректоръ ходилъ еще лично приглашать декановъ старшихъ факультетовъ на общія собранія, но потомъ сталъ посылать педелей. И наконецъ, около половины XIV вѣка является формула: Rector et universitas magistrorum et scholarium Parisiensium, формулирующая положеніе ректора во главѣ всего университета.

Впослѣдствіи на обязанности ректора лежало ближайшее управленіе всѣмъ университетомъ, поддержаніе въ немъ порядка, изданіе обязательныхъ для студентовъ постановленій, разборъ столкновеній между членами университета, устройство торжественныхъ процессій, празднествъ и т. п.; ему были подчинены педеля, ему

[1]) Напр., въ 1348 г. магистровъ на богословскомъ факультетѣ (magistri regentes in theologia) было 32, докторовъ каноническаго права—18, магистровъ медицины—46, а магистровъ artium 514.—Denifle, Die Univ. des Mittelalters, I. 123.

приносили присягу вновь поступавшіе студенты, у него они записывались въ „матрикулы“ и т. д.

Четыре націи Парижскаго университета назывались - галльской, пикардійской, нормандской и англійской. Къ „галльской“ націи принадлежали также и студенты изъ испанцевъ, итальянцевъ и жителей Востока; къ „англійской“ — кромѣ англичанъ, студенты изъ занятыхъ англичанами провинцій Франціи, изъ Ирландіи, Шотландіи и Германіи. Такое искусственное распредѣленіе указываетъ на то, что эти парижскія „націи“ не развились самопроизвольно, а были нарочно установлены, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ началѣ XIII вѣка, въ цѣляхъ лучшаго надзора за студентами. Естественныя же земляческія соединенія были составными частями, подраздѣленіями этихъ „націй“.

Корпоративныя права.

Едва сформировавшись, университетская корпорація сразу почувствовала свою силу. И она начинаетъ постепенно освобождаться отъ подчиненія мѣстнымъ властямъ, опираясь то на короля, то на папу. Первое крупное столкновеніе — съ горожанами — университетъ имѣлъ въ 1200 году. Дѣло было такъ: студентъ-нѣмецъ отправилъ своего слугу въ погребокъ за виномъ; слугу поколотили пировавшіе тамъ горожане. Тогда студенты-нѣмцы избили горожанъ, а тѣ пожаловались „прево“; прево явился арестовать студентовъ; студенты защищались, и пятеро изъ нихъ были убиты въ свалкѣ. По жалобѣ магистровъ, университетъ получилъ отъ короля Филиппа Августа первую привилегію, по которой всѣ учащіе и учащіеся признаны были подлежащими лишь церковной юрисдикціи (церковному суду).

Освободившись, такимъ образомъ, отъ власти свѣтскаго суда, университетъ вскорѣ освобождается и отъ подчиненія канцлеру капитула Notre Dame. Магистры подаютъ папѣ цѣлый рядъ жалобъ на канцлера, обвиняя его въ неправильной раздачѣ „права на преподаваніе“ (licentia docendi). Тогда папы предписываютъ канцлеру давать это право лишь тѣмъ, за кого выскажется большинство магистровъ, а этимъ послѣднимъ даруютъ право сходокъ для обсужденія вопросовъ, касающихся преподаванія и дисциплины, причемъ постановленія этихъ собраній становятся обязательными для всѣхъ учащихъ и учащихся. Канцлеръ сначала упорствовалъ и попробовалъ налагать отлученіе на всѣхъ участниковъ этихъ сходокъ, какъ на заговорщиковъ; магистры опять пожаловались папѣ, и канцлеру запрещено было самовольно налагать отлученіе на университетъ и его членовъ, такъ какъ „университетъ есть главный защитникъ церкви отъ ересей“.

Около того же времени большая часть магистровъ и студентовъ мало-по-малу переселяется изъ Сите, находившагося подъ юрисдикціей канцлера, на лѣвый берегъ Сены, во владѣнія аббатства св. Женевьевы, гдѣ быстро выростаетъ „латинскій кварталъ“; знаменитая улица Фуарръ, центръ парижскаго студенческаго населенія, была застроена около 1225 г. Около половины XIII в. папы назначаютъ университету второго канцлера—изъ аббатства св. Женевьевы, такъ что съ тѣхъ поръ въ Парижѣ всегда было два канцлера. На обязанности канцлеровъ съ тѣхъ поръ лежала забота о поддержаніи достоинства, чести, свободы и независимости университета, о сохраненіи его привилегій, данныхъ папами или королями объ улаженіи недоразумѣній въ отношеніяхъ къ властямъ и т. п. Это были попечители, представители и защитники университета.

Справившись съ горожанами при помощи короля, съ канцлеромъ и епископомъ при помощи папы, университетъ оказался въ состояніи бороться и съ королевской властью. На масленицѣ 1229 г. студенты, поссорившись съ хозяиномъ одного погребка въ мѣстечкѣ С.-Марсель и побитые сосѣдями, разгромили этотъ и другіе погребки и исколотили многихъ жителей мѣстечка. Пріоръ аббатства св. Марцелла и парижскій епископъ пожаловались королевѣ-регентшѣ Бланкѣ Кастильской; она распорядилась, чтобы прево арестовалъ студентовъ. Тотъ двинулся въ латинскій кварталъ съ большимъ отрядомъ полиціи. Захваченные врасплохъ на улицахъ, студенты защищались, какъ могли; но перевѣсъ остался на сторонѣ полиціи, и студентамъ пришлось искать спасенія въ окружавшихъ Парижъ огородахъ и каменоломняхъ. Въ результатѣ оказалось множество раненыхъ и изувѣченныхъ и нѣсколько убитыхъ, въ числѣ которыхъ были члены всѣхъ „націй“, тогда какъ въ С.-Марсельскомъ буйствѣ была виновата одна Пикардія. Университетъ потребовалъ въ мѣсячный срокъ удовлетворенія за нарушеніе своихъ привилегій, грозя иначе закрыть на 6 лѣтъ университетъ. Королева не выдала прево, и университетъ закрылся: магистры и студенты разошлись по Франціи, нѣкоторые уѣхали въ Оксфордъ. Всѣ винили королеву въ такомъ несчастіи для страны, приносящемъ „ущербъ церкви и государству и позоръ французской коронѣ“. Тогда вмѣшался въ дѣло папа Григорій IX; онъ настоялъ, чтобы королева дала удовлетвореніе университету и утвердила всѣ его привилегіи, а самъ разрѣшилъ магистровъ отъ данной ими клятвы 6 лѣтъ не возвращаться въ Парижъ, утвердилъ и расширилъ льготы университета въ знаменитой буллѣ 13-го апрѣля 1231 г.

„Parens scientiarum“, которая и послужила какъ бы хартіей парижскаго университета.

Образъ жизни и поведеніе значительной части парижскаго студенчества оставляли много желать; это и понятно было—при полной неорганизованности студенческаго быта, среди соблазновъ такого большого города. Канцлеры университета часто жаловались на то, что студенты артистическаго факультета бѣгаютъ ночью по улицамъ вооруженные, разбиваютъ двери домовъ, устраиваютъ попойки, драки и другія безчинства, сами сидятъ въ таверныхъ, а классы превращаютъ въ спальни. Жизнь студентовъ.

Поводовъ къ разнаго рода столкновеніямъ у студентовъ всегда было много; до чего доходили эти столкновенія и какъ страдали отъ нихъ сами студенты, можно видѣть хотя бы по двумъ слѣдующимъ происшествіямъ. „У могущественнаго аббатства Сенъ Жерменъ де-Прэ шли вѣчныя пререканія съ университетомъ изъза прилегавшаго къ монастырю угодья Pré-aux-Clercs, гдѣ студенты проводили все свое свободное время. Въ 1278 г. отношенія этихъ двухъ корпорацій настолько обострились, что дѣло дошло до кроваваго столкновенія. Разсерженные жалобой въ судъ, которую подалъ на нихъ университетъ за возведеніе ими новыхъ построекъ, монахи рѣшились основательно проучить своихъ назойливыхъ сосѣдей. 13-го мая студентамъ дана была „рекреація“, и они, ничего не подозрѣвая, по обычаю отправились гулять кругомъ монастырскихъ стѣнъ. Вдругъ въ монастырѣ забили въ набатъ, заиграли сборъ, и сбѣжавшіеся на этотъ призывъ вооруженные вассалы аббатства съ обнаженными мечами ринулись на студентовъ, крича: „смерть, смерть клирикамъ!“ Студенты пустились было бѣжать обратно въ Парижъ, но предусмотрительные монахи заняли всѣ трое ближайшихъ городскихъ воротъ и перехватывали тамъ бѣглецовъ. Студентовъ ловили, били и сѣкли до полусмерти, а потомъ кидали въ монастырскую тюрьму. Множество студентовъ получило при этомъ тяжкія увѣчья, и двое изъ нихъ черезъ нѣсколько дней скончались отъ полученныхъ ранъ“ [1])... Дѣло доходило до короля: „Филиппъ III сталъ рѣшительно на сторону студентовъ, и властямъ аббатства пришлось поплатиться за свое самоуправство“.

Другое избіеніе студентовъ имѣло мѣсто въ Оксфордѣ. Тамъ шла постоянная война у студентовъ съ горожанами; наконецъ, рѣшено было прекратить раздоры; но какъ разъ въ это же время одному

[1]) П. Сперанскій, Очерки, стр. 142—3.

изъ студентовъ вздумалось на какомъ-то диспутѣ отнять булаву у одного изъ городскихъ стражниковъ. Другіе стражники заступились за своего товарища,—произошла схватка со студентами. На другой день вышла новая свалка въ одной церкви, причемъ былъ убитъ какой-то совсѣмъ непричастный распрѣ крестьянинъ, пріѣхавшій изъ деревни въ городъ съ продуктами. Горожане жаловались канцлеру университета, но не получили удовлетворенія. Между тѣмъ, студенты торжественно пропѣли за упокой всѣхъ именитыхъ гражданъ Оксфорда, ссылаясь на то, что имъ все равно не долго осталось жить. Тогда горожане вышли изъ терпѣнія: ударили въ набатъ, затрубили въ рога, массы народа вышли на улицы съ ножами, палками и косами, напали на студентовъ, разгромили ихъ квартиры, изорвали книги.

Коллегіи. Подобные факты, а съ другой стороны, совершенно естественное желаніе дать бѣднымъ студентамъ возможность заниматься при сколько-нибудь сносной обстановкѣ заставили благотворителей XIII вѣка учреждать въ университетѣ коллегіи, или пріюты для бѣдняковъ. „Такъ понималось благочестіе въ этомъ вѣкѣ“, говоритъ Дю-Буле. „Въ прежніе вѣка оно устремлялось на основаніе монастырей, а теперь стало направляться на учрежденіе коллегій для бѣдныхъ школьниковъ, этого общаго питомника профессоровъ, служителей королевской власти, церковныхъ прелатовъ и монаховъ“ [1]). Одной изъ первыхъ коллегій была знаменитая Сорбонна, основанная духовникомъ короля Людовика IX, Робертомъ Сорбономъ, на 16 бѣдныхъ студентовъ богословскаго факультета (по 4 изъ каждой націи). Вскорѣ она была расширена, благодаря новымъ пожертвованіямъ, а также потому, что въ нее стали принимать и платныхъ пансіонеровъ, желавшихъ пользоваться ея удобствами. „За Сорбонной въ скоромъ времени открылся рядъ другихъ коллегій, къ которымъ затѣмъ присоединились и такъ называемыя „педагогіи“, куда ученики принимались только за плату. По мѣрѣ возрастанія числа подобныхъ заведеній, университетъ все больше и больше начинаетъ стѣснять „стрижей“, т. е. студентовъ, жившихъ на вольныхъ квартирахъ, и, наконецъ, въ половинѣ XV вѣка прямо требуетъ, чтобы всѣ ученики наиболѣе многочисленнаго, младшаго, „артистическаго“ факультета, родители которыхъ жили не въ Парижѣ, помѣщались исключительно въ университетскихъ коллегіяхъ и педагогіяхъ... Попутно съ этимъ интернированіемъ учениковъ,

1) И. Сперанскій, Очерки, стр. 171.

мѣняется и организація преподаванія. Вмѣсто того, чтобы водить учениковъ на профессорскія лекціи, ректоры многолюдныхъ коллегій стали приглашать профессоровъ къ себѣ въ заведенія. Это превратилось затѣмъ въ общее правило, и, такимъ образомъ, университетъ изъ вольнаго союза учениковъ и учителей, какимъ онъ былъ вначалѣ, обратился въ рядъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, изъ которыхъ развились теперешніе французскіе лицеи и высшія спеціальныя школы... Съ конца XII до конца XIV вѣка въ Парижскомъ университетѣ было основано, исключительно на частныя пожертвованія, 50 коллегій съ 1000—1100 стипендіями", — такъ сильно развивалось это дѣло.

Нищенствующіе монахи въ университетѣ.

Много блеска и славы придали Парижскому университету богословы изъ „нищенствующихъ" орденовъ, въ числѣ которыхъ были такія знаменитости, какъ доминиканцы—Альбертъ Великій и Ѳома Аквинскій, францисканцы—Бонавентура, Дунсъ Скотъ и др. Но эти же нищенствующіе вызвали въ половинѣ XIII вѣка сильную внутреннюю борьбу въ университетѣ, въ которой они, при помощи папы, побѣдили остальную университетскую корпорацію. Доминиканцы явились въ Парижѣ въ 1217 г., были радушно приняты университетомъ и получили отъ него даже домъ въ приходѣ св. Іакова, гдѣ и устроили школу съ обширной аудиторіей и библіотекой.

Когда въ 1229 г. университетъ былъ закрытъ, у доминиканцевъ преподаваніе продолжалось, причемъ одинъ изъ нихъ получилъ даже одну изъ 12 штатныхъ каѳедръ богословія, составлявшихъ предметъ упорной борьбы между соискателями. Въ это же время пріоръ парижскихъ доминиканцевъ получилъ право снимать отлученіе, налагаемое за чтеніе запрещенныхъ книгъ, и тотчасъ разрѣшилъ изучать въ своей школѣ запрещенныя еще тогда (недавно переведенныя съ арабскаго и еврейскаго) физическія и метафизическія сочиненія Аристотеля. Это привлекло къ доминиканцамъ массу учениковъ и прославило ихъ школу. Вскорѣ доминиканцы получили и вторую штатную каѳедру; три другихъ каѳедры принадлежали канонникамъ соборнаго капитула (при Notre Dame), еще четыре—другимъ монашескимъ орденамъ, такъ что на долю остальныхъ магистровъ, считавшихъ себя основателями университета и создателями его славы, оставалось всего три штатныхъ каѳедры.

Въ 1252 г. на общемъ собраніи университета было постановлено, чтобы ни одинъ орденъ монаховъ, имѣющій свою коллегію, не владѣлъ болѣе, чѣмъ одной каѳедрой теологіи. Доминиканцы отказались отдать назадъ свою вторую каѳедру, и университетъ

объявилъ ихъ исключенными изъ своей среды. Обѣ стороны жаловались папѣ Иннокентію IV, причемъ со стороны университета былъ посланъ спеціальный прокураторъ, магистръ Гильомъ де-Сентъ-Амуръ (Вильгельмъ де Санкто Аморе), а дѣло нищенствующихъ вели Альбертъ Великій, Ѳома Аквинскій и др. Иннокентій IV склонялся на сторону университета; но онъ скоро умеръ (1254 г.). Его преемникъ Александръ IV рѣшилъ споръ въ пользу нищенствующихъ буллой „Quasi lignum“ (14 апрѣля 1255 г.), въ которой университету было приказано немедленно принять опять нищенствующихъ въ свой составъ, а относительно каѳедръ постановлено, что утвержденіе въ нихъ должно зависѣть отъ канцлера и опредѣляться способностями и знаніями претендента, а не какимъ-либо комплектомъ.

Но университетъ не покорился, и Гильомъ де-Сентъ-Амуръ издалъ памфлетъ „De periculis novissimorum temporum“, въ которомъ нападалъ на самый принципъ „нищенства“ и указывалъ на непослѣдовательность въ его примѣненіи новыми орденами, которые богатѣютъ, принимая наслѣдство по завѣщаніямъ, получая плату за требы, и т. д. [1]). Тогда папа выступилъ на защиту нищенствующихъ, велѣлъ сжечь памфлетъ Гильома, его самого и двухъ другихъ магистровъ лишить сана, бенефицій и изгнать изъ Франціи; кромѣ того, онъ приказалъ исполнить постановленія буллы „Quasi lignum“ и не давать никому „права на преподаваніе“, пока онъ не обяжется соблюдать эту буллу (1256 г.). Университетъ долженъ былъ покориться и принять снова нищенствующихъ въ свой составъ. Слѣдствіями этой борьбы было уничтоженіе прежнихъ комплектовъ каѳедръ и утвержденіе свободы преподаванія.

Ученыя степени.

Внутренняя организація университетовъ была, въ сущности, обычной цеховой: та же замкнутость и корпоративный строй; то же раздѣленіе занятій; та же лѣстница степеней съ особыми, строго опредѣленными для каждой правами и обязанностями; тѣ же испытанія и аттестаты; тѣ же ученики, подмастерья и мастера (magistri); словомъ, это былъ „ученый цехъ“. Различіе между учащимися и учащими не было строго проведено: часто подъ studentes разумѣлись и тѣ и другіе. Университетскія степени и званія были слѣдую-

---

[1]) Надо замѣтить, что папы вскорѣ послѣ возникновенія нищенствующихъ орденовъ позволили имъ если не владѣть собственностью, то все-таки пользоваться ею (не possessio, а usus), настоящими же собственниками имѣній этихъ орденовъ папы объявили себя.

щія: бакалавръ, лиценціатъ и магистръ или докторъ. Бакалаврами (латинизированное bachelier, т. е. bas chevalier, молодой рыцарь) „артистическаго“ факультета дѣлались студенты, сдавшіе экзаменъ изъ формальнаго отдѣла философіи: грамматики, діалектики, реторики и элементовъ математики и астрономіи; тогда они должны были выдержать нѣсколько диспутовъ (въ Вѣнѣ—10) и получали искомую степень. Медики производились въ бакалавры послѣ двухъ лѣтъ занятій медициной, если они были magistri in artibus; если же нѣтъ, то черезъ три года и т. д. Бакалавры назначались магистрами для занятій съ младшими студентами и имѣли право носить круглую шляпу безъ полей, какъ отличительный знакъ своего званія. Въ лиценціаты производились бакалавры послѣ нѣсколькихъ лѣтъ занятій и соотвѣтствующихъ испытаній. Такъ, въ Вѣнѣ, напр., на теологическомъ факультетѣ бакалавръ обязанъ былъ прочесть библейскій курсъ, потомъ пробыть годъ или два сентенціаріемъ (т. е. объяснять „Liber sententiarum“ Петра Ломбарда), затѣмъ три года упражняться при университетѣ въ диспутахъ и проповѣдяхъ, и тогда уже только онъ допускался къ испытаніямъ. Лиценціатъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ преподаванія и особаго экзамена (на артистическомъ факультетѣ — изъ реальныхъ наукъ квадривіума), получалъ степень магистра. Магистры и доктора теологіи титуловались обыкновенно „magistri nostri“.

Дарованіе степени магистра (или доктора) совершалось очень торжественно. Магистрантъ (или докторантъ), т. е. выдержавшій соотвѣтствующій степени экзаменъ, долженъ былъ сказать рѣчь въ соборѣ, прочесть лекцію и выдержать диспутъ; если диспутъ проходилъ удачно, то канцлеръ приводилъ диспутанта къ присягѣ и провозглашалъ его удостоеннымъ искомой степени. Всѣ присутствовавшіе на диспутѣ магистры цѣловали новаго члена своей корпораціи, въ знакъ принятія въ нее, и вручали ему знаки его достоинства: книгу, какъ символъ науки, кольцо и докторскую шляпу (широкополый беретъ), а затѣмъ возводили его на каѳедру; тѣмъ и кончалась церемонія.

Лекціи и диспуты.

Преподавательская дѣятельность магистровъ состояла изъ lectio и disputatio. Lectio (чтеніе) состояло изъ объясненія текстовъ св. Писанія или какого-либо автора; тексты должны были быть въ рукахъ у слушателей, по крайней мѣрѣ, одинъ на троихъ. Вотъ мнемоническая формула для процедуры объясненія юридическаго текста, чрезвычайно хорошо передающая въ латинскомъ дистихѣ духъ тогдашняго преподаванія:

Praemitto, scindo, summo, casumque figuro,
Perlego, do causas, connoto, obicio,—

т. е. объясняю термины и даю общую характеристику мѣстамъ, откуда взятъ текстъ (praemitto); дѣлю его на части (scindo); резюмирую его содержаніе (summo); привожу (дѣйствительный или воображаемый) случай приложенія данной юридической нормы (casum figuro); читаю текстъ (perlego); излагаю причины для пониманія его въ данномъ смыслѣ (do causas); объясняю его побочными и ограничивающими его положеніями и общими соображеніями (connoto); наконецъ, излагаю и обсуждаю возраженія (obicio)...“

Чтеніе лекцій продолжалось обыкновенно съ 19—20 октября до 7-го сентября; это время и составляло учебный годъ, а сентябрь и октябрь продолжались „большія вакаціи“. Кромѣ того, отъ занятій были свободны: двѣ недѣли на Пасхѣ, 11 дней на Святкахъ и четверги на тѣхъ недѣляхъ, въ срединѣ которыхъ не было праздниковъ.

Диспутированіе (disputatio) дополняло лекціи; цѣлью его было изощреніе ума на рѣшеніи частныхъ вопросовъ, на приложеніи общихъ положеній къ отдѣльнымъ случаямъ. Диспуты устраивались обыкновенно по субботамъ; въ большую залу собирался весь факультетъ—и студенты и магистры. Кто-нибудь изъ магистровъ говорилъ вступительную рѣчь и, въ заключеніе, предлагалъ тезисы для спора. Магистры по порядку возражали на эти тезисы аргументами въ силлогистической формѣ и давали контръ-тезисы; это называлось — arguere (возражать). Бакалавры, при помощи магистровъ, разрѣшали это столкновеніе мнѣній новыми рядами силлогизмовъ; это значило — respondere (отвѣчать). Иногда, кромѣ того, устраивались диспуты между студентами, подъ предсѣдательствомъ и руководствомъ бакалавровъ. Всѣ эти диспуты, при тогдашней скудости въ средствахъ просвѣщенія, при маломъ числѣ книгъ и новыхъ сочиненій, были незамѣнимымъ средствомъ провѣрять и пускать въ обращеніе новые научные взгляды и идеи; здѣсь сталкивались и выяснялись самыя разнообразныя убѣжденія, возбуждались и подготовлялись новыя точки зрѣнія на вещи... Съ другой стороны, диспуты были своего рода спортомъ: прибѣгали къ самымъ коварнымъ уловкамъ, изобрѣтали самые неожиданные силлогизмы, лишь бы разбить, запутать противника. Иногда страсти разгорались слишкомъ сильно, такъ что на диспутахъ, напр., реалистовъ съ номиналистами, приходилось отдѣлять барьеромъ каѳедры главныхъ бой-

цовъ, такъ какъ безъ этого ученый турниръ могъ бы обратиться въ кулачный бой.

До какой степени на этихъ диспутахъ изощрялись умы и оттачивалась логика, можно видѣть изъ слѣдующаго преданія. Въ 1304 г. пришелъ изъ Оксфорда въ Парижъ францисканецъ Дунсъ Скотъ, знаменитый противникъ Ѳомы Аквинскаго, и защищалъ здѣсь на большомъ диспутѣ одно богословское положеніе. Противъ него были выставлены очень сильные аргументы, притомъ—въ числѣ около 200. Внимательно и спокойно выслушалъ онъ ихъ безъ перерыва, потомъ повторилъ на память всѣ по порядку и разрѣшилъ самыя невѣроятныя трудности, распуталъ самые замысловатые силлогизмы „такъ же легко, какъ Самсонъ разорвалъ узы филистимлянъ", говоритъ одинъ современникъ. Университетъ былъ пораженъ тонкостью его мысли и силою его доказательствъ и въ знакъ особаго отличія почтилъ его прозваніемъ „doctor subtilis" (тонкій, утонченный ученый).

Вся эта научная и преподавательская дѣятельность совершалась на латинскомъ языкѣ, общемъ въ средніе вѣка для ученыхъ всѣхъ западно-европейскихъ націй. Но это былъ совсѣмъ особый языкъ,—отнюдь не классическій стиль Цицерона, Ливія, Вергилія и другихъ римскихъ авторовъ. Большая часть матеріала была, правда, взята изъ древне-латинскаго, но изъ этого матеріала было выстроено совсѣмъ новое зданіе, созданъ новый, живой языкъ. Языкъ Цицерона былъ, можетъ быть, болѣе изященъ, но онъ вовсе не годился средневѣковымъ магистрамъ ни тогда, когда они въ коллегіяхъ и бурсахъ разсуждали о своихъ личныхъ дѣлахъ, ни тогда, когда они излагали тонкія логическія различенія. Отъ долгаго употребленія средневѣковая латынь совершенно приспособилась къ идеямъ и обстановкѣ своей эпохи: форма стала вполнѣ соотвѣтствовать содержанію. Эта латынь стала новымъ, живымъ языкомъ, чего отнюдь нельзя сказать, напримѣръ, о латыни гуманистовъ, у которыхъ новое содержаніе часто не укладывалось въ чуждую ему „цицероновскую" форму. Какъ и всякій живой языкъ, средневѣковую латынь изучали на практикѣ, посредствомъ разговора.

Нѣмецкіе университеты.

Число университетовъ быстро росло въ XIV и XV вѣкахъ, особенно въ Германіи, гдѣ передъ реформаціей считалось уже 20 университетовъ: общее же число ихъ въ Западной Европѣ было къ этому времени 65 (во Франціи—16, въ Италіи—15, въ Испаніи—6, въ Англіи—5 и по 1 въ Португаліи, Швеціи и Даніи).

Германскіе университеты въ общемъ моложе прочихъ: первый

изъ нихъ — Пражскій — основанъ въ 1346 г. императоромъ Карломъ IV — при двухъ профессорахъ теологіи, трехъ—философіи и свободныхъ искусствъ (artes) и по одному для каноническаго, для гражданскаго права и для медицины. Университетъ состоялъ изъ четырехъ націй: чешской, баварской, польской и саксонской, прокураторы которыхъ, какъ обычно, выбирали ректора. Въ общемъ, уставы Пражскаго и большей части остальныхъ германскихъ университетовъ списаны съ парижскихъ; лишь позже—Тюбингенскій, Виттенбергскій и Гельмштедтскій получили организацію по образцу Болонскаго. Мѣсто коллегій при германскихъ университетахъ занимали „бурсы“, т. е. пансіоны для студентовъ въ семьяхъ нѣкоторыхъ изъ магистровъ, которымъ факультеты въ видѣ отличія давали право держать бурсаковъ. Эти магистры, „ректоры“ своихъ бурсъ, слѣдили за посѣщеніемъ студентами лекцій, повторяли съ ними изучаемые предметы, вели за обѣдомъ или послѣ него диспуты по-латыни и наблюдали, чтобы бурсаки и между собою говорили на этомъ языкѣ. Бурсаки платили своему хозяину, большею частью, по одному грошу въ недѣлю, не считая особыхъ подарковъ въ извѣстные сроки; за повтореніе лекцій полагалась особая плата.

Замкнутая организація, корпоративный строй, независимое положеніе между свѣтской и духовной властью—все это ставило университеты очень высоко въ глазахъ современниковъ, обусловливало ихъ силу и общественное значеніе. Университеты были очагами научнаго движенія: здѣсь билась свободная мысль, здѣсь жило идейное творчество—двигатель и основа какъ частной, такъ и общественной жизни. Потому-то университеты и оказались однимъ изъ самыхъ жизненныхъ явленій среднихъ вѣковъ, — и изъ бурь „возрожденія“ и реформаціи вышли преобразованными, укрѣпленными и способными къ плодотворному развитію въ будущемъ.

2007057054